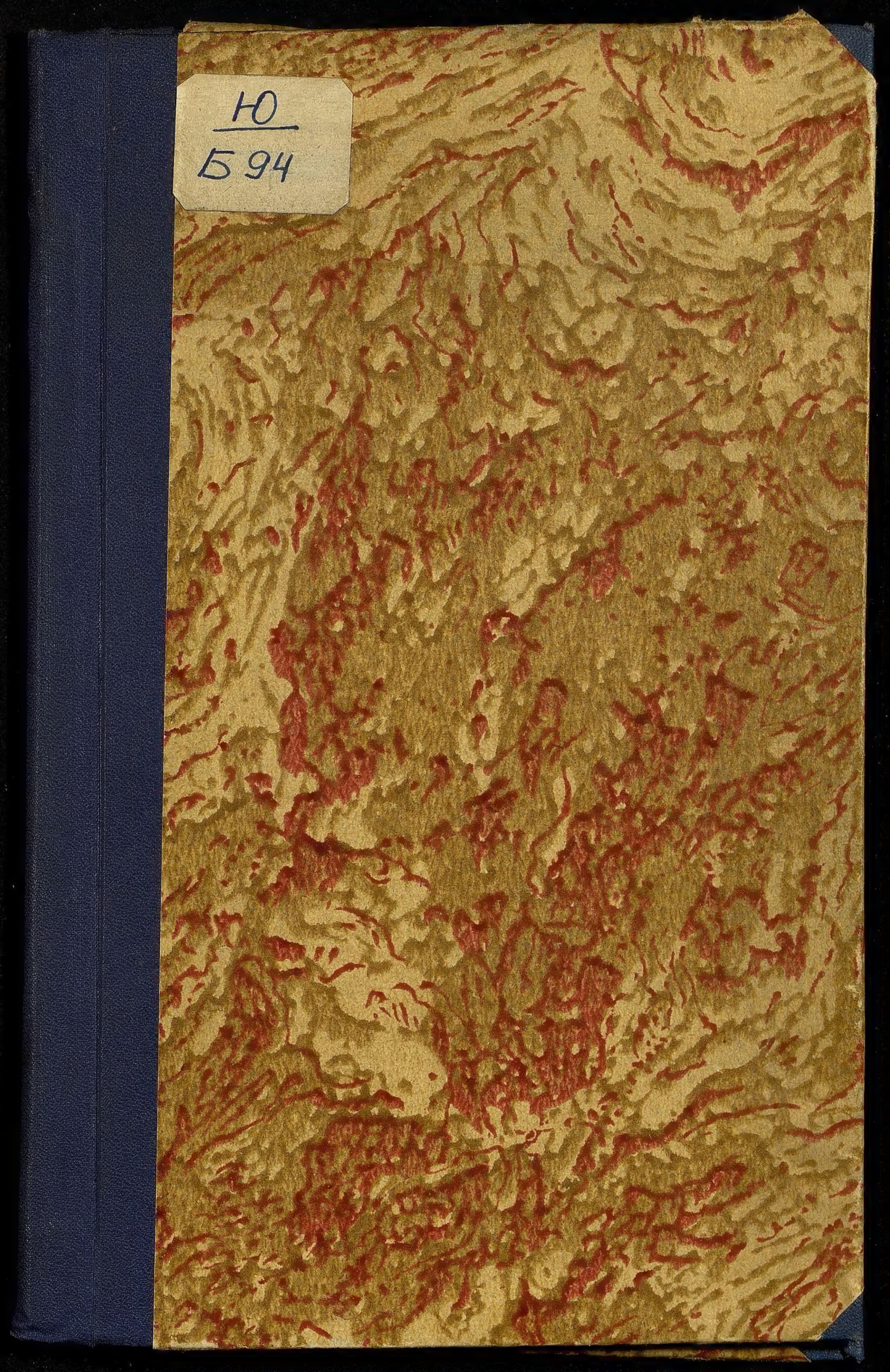

Ю
Б 94

Ю
Б 94

6 2/19

Потто

ФАМИЛІЯ БУЧКІЕВЫХЪ

ВЪ СТОЛѢТНЕМЪ СЛУЖЕНІИ ЕЯ

РОССІИ.

ТИФЛИСЪ.
1901.

97477

10
Б 94

92 (Б) : 355.4 (47)

2227

Потто, В.

ФАМИЛІЯ БУЧКІЕВЫХЪ

ВЪ СТОЛѢТНЕМЪ СЛУЖЕНІИ ЕЯ РОССІИ.

ТИФЛИСЪ.
Типографія канц. Главнонач. гр. ч. на Кавказѣ, Лор.-Мелик. ул., д. каз.
1901.

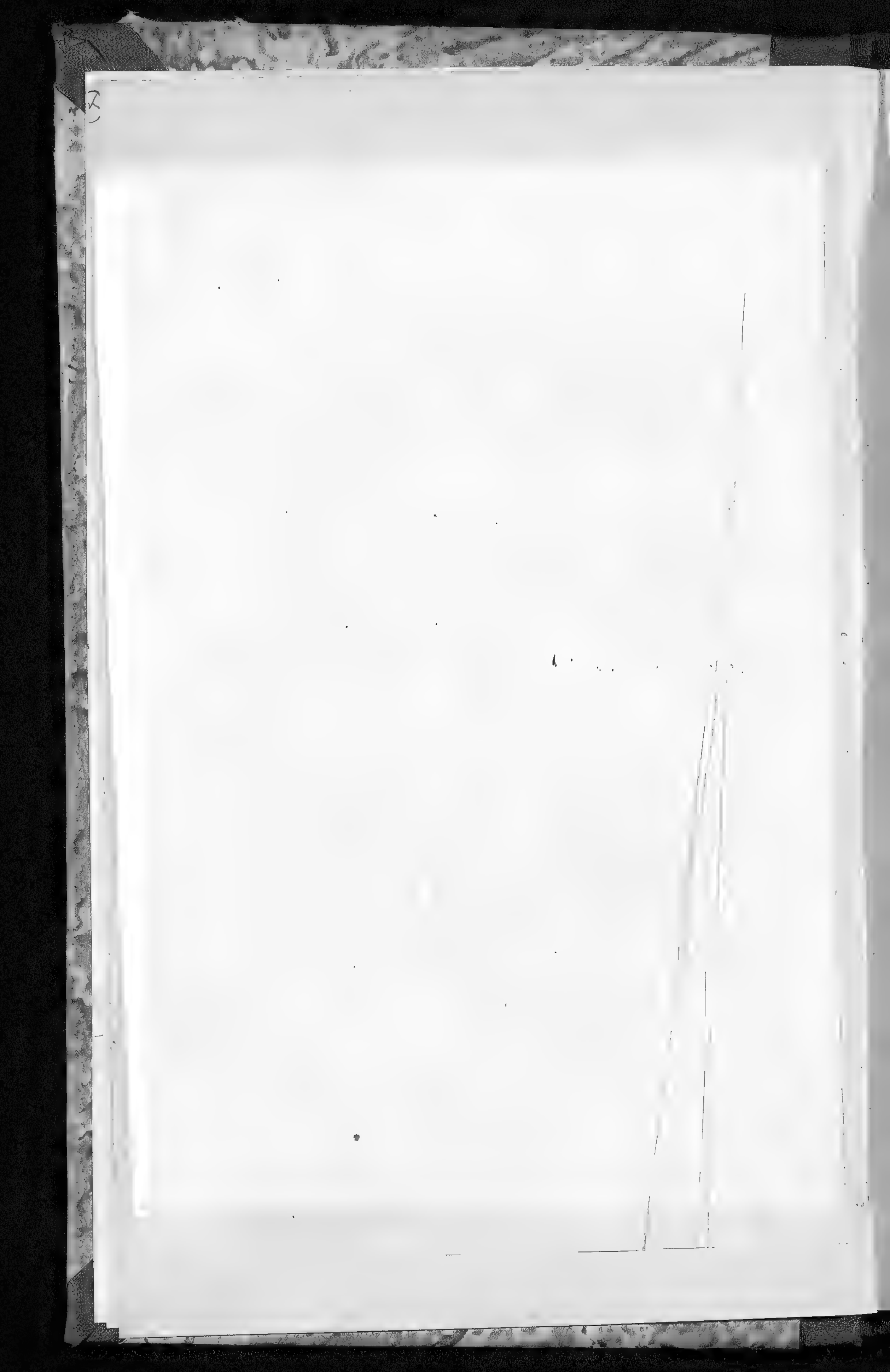
Дозволено военною цензурою. Тифлисъ, 18 сентября 1901 года.

Фототипія К. І. Месхіева, Тифлисъ

Генералъ-~~маіоръ~~ лейтенантъ

Александръ Борисовичъ **БУЧКІЕВЪ**.

Изъ числа грузинскихъ фамилій, честно и вѣрно послужившихъ новому своему отечеству—Россіи на ратныхъ поляхъ, выдвигается фамилія Бучкіевыхъ.

Это старинная дворянская фамилія, а дворянство въ Грузіи пріобрѣталось въ старые годы только дорогою цѣною. Однѣ необыкновенныя заслуги, да чрезвычайные случаи могли выдѣлять единичное лицо изъ массы народа,—и эти единичныя имена, какъ говоритъ грузинскій историкъ Платонъ Іосселіани, всегда окружались лучами исторической славы. Вотъ причина малочисленности дворянскихъ родовъ, которыхъ въ цѣлой Грузіи насчитывалось только около трехсотъ. Изъ числа ихъ Бучкіевы всегда занимали видное мѣсто. Объ этомъ краснорѣчиво свидѣтельствуютъ древніе документы и акты, сохранившіеся до нашихъ временъ въ архивахъ стараго Анчисхатскаго собора.

Еще при грузинскихъ царяхъ, во времена Ираклія, дѣдъ нынѣшнихъ поколѣній Бучкіевыхъ, Иванъ, занималъ видную должность въ артиллеріи и носилъ чинъ минбаша (полковника).

Съ тѣхъ поръ идетъ уже третье поколѣніе, и каждое изъ нихъ имѣетъ въ роду своемъ лицъ, отмѣченныхъ подвигами честнаго служенія Россіи, и въ длинномъ спискѣ именъ встрѣчаются такія, которыя внесены или въ боевыя лѣтописи Кавказа, или же въ его синодики. Теперь, когда Грузія готовится праздновать столѣтній юбилей присоеди-

нія своего къ русской державѣ, отрадно припомнить, что въ теченіе этихъ ста лѣтъ много и очень много членовъ этой старой дворянской фамиліи прошли черезъ ряды нашей храброй Кавказской арміи. Сынъ иракліевскаго минбаша,—Бежанъ (Борисъ) служилъ въ карталинской милиціи и ходилъ вмѣстѣ съ Паскевичемъ подъ Ахалцыхъ разорять это разбойничье гнѣздо. Второй его сынъ, братъ Бежана, Димитрій служилъ въ рядахъ Ширванскаго полка во время той же паскевической войны и на штурмѣ Ахалцыха заслужилъ георгіевскій крестъ, а потомъ прославилъ себя геройскою защитой Белаканскаго редута, атакованнаго громаднымъ скопищемъ Шихъ-Шабана во время перваго возмущенія джарцевъ въ 1830 году. Защита Белаканскаго редута всегда считалась и ставилась на ряду съ лучшими и доблестнѣйшими подвигами кавказскихъ войскъ. Впослѣдствіи, уже въ чинѣ генерала, онъ былъ комендантомъ Александропольской крѣпости и умеръ въ 1849 году, 60 лѣтъ отъ роду. Третій сынъ минбаша, Гедеванъ, имѣвшій знакъ отличія военнаго ордена и также георгіевскій крестъ, командовалъ въ Тифлисѣ линейнымъ баталіономъ и скончался въ чинѣ подполковника въ 1858 году. Наконецъ, четвертый, и младшій сынъ, Епифанъ, былъ архимандритомъ въ Алавердынскомъ монастырѣ.

Второе поколѣніе Бучкіевыхъ, происходившее отъ Бориса, состояло изъ семи братьевъ, и только одинъ изъ нихъ, Константинъ, по слабости здоровья служилъ въ гражданской службѣ и умеръ въ чинѣ коллежскаго ассесора въ 1889 году. Всѣ остальные посвятили себя военному дѣлу, и старшій изъ нихъ Георгій, имѣвшій уже солдатскій георгіевскій крестъ, убитъ 22-хъ лѣтъ отъ роду въ чинѣ под-

поручика въ памятной Черкеевской экспедиціи Головина. Его смерть въ бою подъ Кишень-Аухомъ, 7-го іюня 1841 года, отмѣчена подвигомъ высокаго самоотверженія. Видя, что горцы окружили извѣстнаго храбреца милиціонера Павла Георгіевича Иванова, котораго и понынѣ знаетъ весь Тифлисъ, подъ именемъ Георгія-швили, онъ бросился выручать его и получилъ смертельную рану. Онъ умеръ черезъ два дня въ крѣпости Внезапной и похороненъ въ тамошней Андреевской церкви. Второй братъ его, Иванъ, знаменитый ахтынскій герой, имѣлъ также и знакъ отличія военнаго ордена и офицерскій георгіевскій крестъ, добытый имъ въ тяжелыя минуты ахтынской осады. Въ то время, когда отважный комендантъ полковникъ Роттъ лежалъ израненый, когда два страшные взрыва уничтожили до основанія весь пятый бастіонъ, когда казармы были разрушены, и въ стѣнѣ образовалась громадная брешь, когда вслѣдъ затѣмъ непріятельская граната взорвала на третьемъ бастіонѣ зарядный ящикъ и положила лоскомъ все что стояло вблизи,— горцы вдругъ ринулись на штурмъ, расчитывая легко задавить разстроенный и малочисленный нашъ гарнизонъ. Штурмъ былъ отбитъ блистательно, но въ эти двѣнадцать часовъ непрерывнаго боя мы потеряли такъ много офицеровъ и нижнихъ чиновъ, что подъ ружьемъ не оставалось уже и 300 человѣкъ. Въ такомъ критическомъ положеніи оставалось одно—дать знать командующему войсками въ Дагестанѣ князю Аргутинскому, безъ помощи котораго, казалось, не было возможности отстоять почти разрушенное уже укрѣпленіе. Но кто же возьмется исполнить это опасное порученіе, когда непріятель стоялъ кругомъ сплошною стѣною и наблюдалъ за каждою тропкою? Къ счастью, на-

шелся человѣкъ, готовый жертвовать собою для общаго спасенія. Это былъ штабсъ-капитанъ Бучкіевъ, одинъ изъ выдающихся героевъ отбитаго штурма. Онъ рѣшился пробраться сквозь непріятельскій станъ и, переодѣвшись мюридомъ, въ ту же ночь, напутствуемый общими благословеніями, пустился въ опасный путь. Пройдетъ ли онъ, или будетъ пойманъ и сложитъ свою голову подъ страшными пытками—кто могъ отвѣтить на эти вопросы? Это была соломенка, за которую хватался утопающій. Но Бучкіевъ пробрался. Ни одинъ разъ преслѣдуемый горцами, голодный, томимый жаждою, весь оборванный и окровавленный, онъ, послѣ нѣсколькихъ дней скитанія по дикимъ и невѣдомымъ горамъ, явился наконецъ къ Аргутинскому и сообщилъ ему объ отчаянномъ положеніи гарнизона. Не успѣвъ отдохнуть, онъ снова долженъ былъ пуститься въ путь, чтобы вести отрядъ на выручку своихъ изнемогавшихъ уже товарищей. Быстрое появленіе войскъ и кровавый Мискинджинскій бой выручили Ахты и спасли гарнизонъ. Императоръ Николай Павловичъ, достойный цѣнитель военныхъ подвиговъ, пожаловалъ Бучкіеву двѣ награды: чинъ капитана и орденъ св. Георгія 4-й степени. Впослѣдствіи онъ вышелъ въ отставку въ чинѣ полковника и умеръ въ 1890 году, 77-ми лѣтъ отъ роду. Третій братъ Александръ, нынѣ генералъ-лейтенантъ въ отставкѣ, командовалъ 24-ою артиллерійскою бригадою и участвовалъ во всѣхъ войнахъ, начиная съ венгерской кампаніи 1849 года. Объ немъ и его 49-лѣтней службѣ мы будемъ говорить ниже. Четвертый братъ Михаилъ командовалъ Пятигорскимъ пѣхотнымъ полкомъ и убитъ на штурмѣ Карса въ ночь съ 5-го на 6-е ноября 1877 года. Пятигорскій полкъ вхо-

дилъ въ составъ колонны, назначенной для демонстраціи со стороны Шораха,—и эта демонстрація поведена была имъ съ такою энергіею, что привлекла сюда значительныя силы турокъ и облегчила намъ занятіе Канлы и Хафиза. Подъ страшнымъ огнемъ мужественно шелъ Пятигорскій полкъ на приступъ грозной Тахмасъ-табіи, памятной намъ со времени муравьевскаго штурма, но потерявъ во рву храбраго своего командира полковника Бучкіева, убитаго пулей въ животъ и осколкомъ гранаты въ голову, долженъ былъ отойти назадъ съ большою потерею. „Глубоко чтя память моего покойнаго начальника, и зная его храбрость и распорядительность въ дѣлѣ",—пишетъ его полковой адъютантъ въ своихъ воспоминаніяхъ *), „я долженъ сказать, что онъ наканунѣ и въ день штурма былъ въ самомъ возбужденномъ состояніи и, какъ бы предчувствуя смерть, утвердительно говорилъ мнѣ, что будетъ убитъ". И это мрачное предчувствіе, ни на минуту не поколебавшее однако въ немъ чувство чести и долга, къ несчастію сбылось: онъ палъ на челѣ полка, и въ память его геройской смерти самый фортъ Тахмасъ-табія именуется нынѣ фортомъ Бучкіева. Пятый братъ, Вахтангъ, служилъ въ Тверскомъ драгунскомъ полку, съ которымъ участвовалъ въ покореніи западнаго Кавказа и въ послѣдней турецкой войнѣ 1877 года; потомъ онъ командовалъ полевымъ жандармскимъ эскадрономъ въ Тифлисѣ и скончался въ настоящемъ году генералъ-маіоромъ въ отставкѣ. Онъ погребенъ въ фамильномъ склепѣ Анчисхатскаго собора, гдѣ покоятся и всѣ прочіе члены фамиліи Бучкіевыхъ.

---

*) Военный Сборникъ по поводу статьи: „Колонна полковника Бучкіева при штурмѣ Карса".

Наконецъ, послѣдній братъ, Заалъ Борисовичъ, состоитъ нынѣ капитаномъ въ отставкѣ, но объ немъ мы должны сказать нѣсколько подробнѣе.

1-го апрѣля 1851 года девятнадцатилѣтнимъ юношей онъ поступилъ вольноопредѣляющимся въ Ширванскій пѣхотный полкъ и своимъ усердіемъ къ службѣ и знаніемъ ея настолько выдвинулся изъ среды своихъ товарищей, что черезъ нѣсколько мѣсяцевъ уже былъ назначенъ старшимъ въ полковую юнкерскую учебную команду. Та же усердная служба была причиной, что въ началѣ 1852 года онъ, не въ очередь, помимо множества старшихъ себя по службѣ юнкеровъ, назначенъ былъ въ военный отрядъ, что въ тѣ времена считалось высокою наградою.

Вотъ нѣкоторыя подробности объ этой экспедиціи, памятной по упорству и мужеству, высказанному въ ней обѣими сторонами.

Въ началѣ января 1852 года изъ полковой штабъ-квартиры, урочища Кусары, внезапно потребованы были три баталіона Ширванскаго полка, которые, соединившись на пути еще съ баталіономъ дагестанцевъ, должны были поступить подъ начальство генерала Суслова. Экспедиція предстояла серьезная. Мятежъ, вспыхнувшій въ Кайтагѣ и Табасаранѣ, далъ Шамилю мысль отторгнуть отъ насъ эти области, и онъ послалъ туда одного изъ лучшихъ и приближенныхъ къ себѣ наибовъ Букъ-Магомета. Надо сказать, что Кайтагъ давно уже привлекалъ къ себѣ вниманіе Шамиля; но двѣ попытки, сдѣланныя имъ въ минувшемъ 1851 году—поднять противъ насъ народное возстаніе, ему не удались. Омаръ Салтинскій и Хаджи-Муратъ, посланные въ Кайтагъ,—оба были разбиты и вернулись назадъ

безъ успѣха. Тогда Шамиль поручилъ это дѣло Букъ-Магомету, взявшемуся съ сорока отважными абреками поднять противъ русскихъ весь южный Дагестанъ, т. е. исполнить то, чего не могли сдѣлать ни Омаръ Салтинскій, ни самъ Хаджи-Муратъ. Шамиль такъ высоко цѣнилъ суровый аскетическій характеръ Букъ-Магомета, что при отправленіи вручилъ ему собственную свою сѣкиру, какъ символъ власти его надъ жизнью и смертію народа. Вмѣстѣ съ Букъ-Магометомъ онъ отправилъ въ Кайтагъ и шесть, торжественно освященныхъ имъ въ мечети, значковъ, подъ которыми должны были собраться воины газавата. Букъ-Магометъ повелъ свое дѣло такъ энергично, что истребить эту партію, грозившую разлить пожаръ, который потомъ пришлось бы тушить цѣлыми потоками крови, нужно было какъ можно скорѣе и во что бы то ни стало. Сусловъ вступилъ въ Кайтагъ, и въ битвѣ подъ ауломъ Маджалисомъ разбилъ Букъ-Магомета на голову. Испуганные кайтахцы измѣнили ему такъ же, какъ измѣнили они Хаджи-Мурату,— и 40 абрековъ да 40 кайтагцевъ, оставшихся вѣрными данной присягѣ, одни очутились лицомъ къ лицу съ значительнымъ русскимъ отрядомъ. Тогда Букъ-Магометъ кинулся въ аулъ Шелаги, стоявшій на высокой горѣ, и, запершись въ его сакляхъ, рѣшился умереть за дѣло святого газавата. Сусловъ немедленно двинулъ баталіоны на приступъ.

Когда войска подошли къ подножью горы, изъ первой роты перваго баталіона вышелъ впередъ юнкеръ Заалъ Бучкіевъ и громко крикнулъ: „Кто желаетъ въ охотники, выходи за мной!“ Изъ фронта тотчасъ выдвинулось человѣкъ пятьдесятъ, и Бучкіевъ во главѣ ихъ сталъ подниматься на гору; за нимъ ближайшею поддержкой пошелъ баталіонъ

ширванцевъ. Только теперь замѣтили сильный завалъ, вѣнчавшій вершину горы и занятый лучшими непріятельскими стрѣлками. Итти приходилось подъ сильнымъ перекрестнымъ огнемъ, а гора была крута, и обледенѣлыя тропинки скользки. Многіе валились кругомъ Бучкіева убитыми, и раненые летѣли внизъ, не имѣя силъ удержаться,—а онъ шелъ впереди всѣхъ, ободряя людей, и своимъ примѣромъ, какъ говоритъ офиціальная реляція, увлекалъ товарищей. Чѣмъ ближе подходили къ завалу, тѣмъ сильнѣе становилась наша потеря. Изъ 50-ти охотниковъ оставались уже только двадцать, когда Бучкіевъ остановилъ эту кучку людей, чтобы дать ей вздохнуть,—и затѣмъ съ крикомъ „ура"! бросился къ завалу. Мгновенно завязался жестокій рукопашный бой. Самъ Бучкіевъ ударилъ штыкомъ мюрида, державшаго знамя,—но горецъ, схватившись одной рукою за штыкъ, другою хотѣлъ поранить Бучкіева, но, къ счастію, ударъ пришелся по ружью, и стволъ его разсѣченъ былъ почти пополамъ. Знамя упало на землю,—но его успѣлъ подхватить какой-то мюридъ, котораго Бучкіевъ однако догналъ и положилъ на мѣстѣ. Измятое, перепачканное кровью, знамя, принадлежавшее самому Букъ-Магомету, уже развѣвалось въ рукахъ Бучкіева, когда подскочившій горецъ выстрѣлилъ въ него почти въ упоръ, и Бучкіевъ съ раздробленнымъ плечомъ повалился безъ чувствъ вмѣстѣ со знаменемъ. Въ эту минуту подоспѣлъ баталіонъ. Командиръ его полковникъ Домбровскій и младшій штабъ-офицеръ князь Аргутинскій, увидѣвъ Бучкіева раненымъ, наскоро перевязали его своими платками, и оставивъ при немъ и знамя, и нѣсколькихъ нижнихъ чиновъ для прикрытія, двинулись дальше. Атака увѣнчалась полнымъ успѣхомъ, завалъ былъ взятъ, и ба-

таліонъ, вмѣстѣ съ другими частями, направленными съ разныхъ сторонъ, ворвался въ аулъ. Тогда-то и произошелъ тотъ сказочный бой, въ которомъ 80 человѣкъ дрались противъ 1500 штыковъ, и бой длился до поздняго вечера. Исходъ его не могъ подлежать сомнѣнію; но пока горсть отчаянныхъ абрековъ была истреблена, пока израненый Букъ-Магометъ, сѣкира Шамиля, и шесть присланныхъ имъ значковъ перешли въ наши руки, отрядъ потерялъ 12 офицеровъ и до пятисотъ нижнихъ чиновъ. И знамя, и значки, и сѣкира Шамиля были доставлены въ Тифлисъ, и князь Воронцовъ приказалъ хранить ихъ, въ залѣ штаба Кавказскаго корпуса, какъ памятники боя, который, смѣло можно сказать, не имѣетъ себѣ подобнаго въ исторіи Кавказской войны. Куда дѣвались въ настоящее время эти трофеи, обогренные кровью безчисленныхъ жертвъ,—объ этомъ, къ сожалѣнію, свѣдѣній никакихъ неимѣется.

Когда окончился бой, командиръ полка полковникъ Манюкинъ приказалъ нести отбитое знамя рядомъ съ носилками, на которыхъ лежалъ Бучкіевъ. Въ Дербентѣ онъ поручилъ его особой заботливости главнаго доктора тамошняго госпиталя, но не смотря на всѣ медицинскія пособія, рана признана была безусловно смертельною. Когда слухъ объ этомъ дошелъ до Тифлиса, братъ Заала, Иванъ (Ахтынскій герой), самъ прискакалъ въ Дербентъ и, по совѣту тамошняго военнаго губернатора генерала Минквица, обратился къ одному изъ извѣстнѣйшихъ въ то время туземныхъ горскихъ врачей. Послѣднему Бучкіевъ и былъ обязанъ спасеніемъ жизни, но тѣмъ не менѣе онъ навсегда лишился правой руки, и, причисленный къ первому разряду раненыхъ, долженъ былъ оставить строевую службу, которая съ первыхъ шаговъ сво-

ихъ такъ много, много ему обѣщала. Съ тѣхъ поръ прошло уже пятьдесятъ лѣтъ, а рана и до сихъ поръ по временамъ открывается, раздробленныя кости выходятъ и причиняютъ ему невыносимыя страданія. Замѣчательно, что по какому-то недоразумѣнію онъ за взятіе знамени не получилъ никакой награды, такъ какъ знакъ отличія военнаго ордена полученъ былъ имъ за маджалинское дѣло, когда онъ еще не былъ раненъ. Дальнѣйшая служба его была посвящена военно-административной дѣятельности, но Бучкіеву, какъ говорится, не везло и здѣсь. Произведенная надъ нимъ въ 1868 году хирургическая операція окончилась самымъ несчастнымъ образомъ. При проводѣ въ пищеводъ желудочнаго зонда инструментъ лопнулъ и обломокъ его остался въ желудкѣ. Случай этотъ, надѣлавшій въ свое время много шуму, какъ въ публикѣ, такъ и въ медицинской литературѣ, разстроилъ и безъ того уже подорванное здоровье Бучкіева. А между тѣмъ злой рокъ продолжалъ преслѣдовать несчастнаго страдальца и далѣе. Лишенный еще въ дѣтствѣ, до поступленія на службу, праваго глаза, Бучкіевъ, въ бытность свою въ 1877 году въ Абастуманѣ завѣдующимъ госпитальнымъ отдѣленіемъ, получилъ при исполненіи служебныхъ обязанностей сильный ушибъ головы, отразившійся на зрѣніи его единственнаго глаза. Все это вмѣстѣ взятое повлекло за собою окончательное разстройство здоровья, и въ 1880 году онъ принужденъ былъ выйти въ отставку въ чинѣ капитана.

Теперь перейдемъ къ послѣднему представителю рода Бучкіевыхъ—Александру Борисовичу Бучкіеву.

Дѣтство его протекло въ Тифлисѣ, гдѣ онъ учился въ гимназіи, переобразованной изъ первоначальнаго Благороднаго училища, и въ 1837 году, въ тотъ годъ, когда на Кавказѣ ожидали прибытія императора Николая Павловича, онъ вмѣстѣ съ другими дѣтьми изъ лучшихъ дворянскихъ фамилій отправленъ былъ въ Петербургъ для воспитанія въ кадетскомъ корпусѣ. Путешествіе это было не легкое. Мальчиковъ везли изъ Тифлиса въ какомъ-то фургонѣ, какъ тогда говорили, „на долгихъ“, и путь ихъ продолжался болѣе трехъ съ половиною мѣсяцевъ. Въ Петербургѣ, за отсутствіемъ Государя, находившагося въ то время на Вознесенскихъ маневрахъ, всѣ они представлены были принцу Ольденбургскому, который самъ распредѣлилъ ихъ по корпусамъ, и Бучкіевъ попалъ во 2-й кадетскій, вмѣстѣ съ товарищемъ своего дѣтства—Алхазовымъ, впослѣдствіи извѣстнымъ генераломъ, героемъ карсскаго штурма 1877 года.

Семь лѣтъ провелъ Бучкіевъ въ корпусѣ, и благодаря своему прилежанію былъ выпущенъ, въ числѣ лучшихъ воспитанниковъ въ артиллерію. 10-го августа 1844 года императоръ Николай Павловичъ самъ поздравилъ молодыхъ офицеровъ, выразивъ увѣренность, что они будутъ вѣрными слугами престолу и отечеству, и произнесъ памятныя слова, глубоко врѣзавшіяся въ сердцѣ каждаго. „Будетъ нужда вамъ—обращайтесь и пишите прямо ко мнѣ“.

По производствѣ въ офицеры, Бучкіевъ назначенъ былъ въ 6-ю батарею 15-й артиллерійской бригады, расположенную тогда въ Бессарабіи и получилъ въ завѣдываніе батарейную школу. Школа помѣщалась въ глухой деревушкѣ, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ батарейнаго штаба, но не смотря на то,

Бучкіевъ, какъ свидѣтельствуетъ приказъ генералъ-маіора Ивина, довелъ ее до такого образцоваго порядка, что ученики ея, отправляемые ежегодно въ дивизіонную фейерверкерскую школу, всегда оказывались въ ней лучшими. Объ этомъ свидѣтельствуетъ приказъ начальника артиллеріи 5-го пѣхотнаго корпуса. Въ этой мирной, пожалуй мало замѣтной, но въ высшей степени полезной дѣятельности прошли первые четыре года службы Бучкіева. Но вотъ наступилъ наконецъ 1848 годъ, съ его революціонными бурями, и передъ Бучкіевымъ впервые открывается широкое боевое поприще. Революціонное движеніе страшнымъ пожаромъ охватило тогда весь западъ Европы и опасность грозила даже русскимъ предѣламъ. Можно было предвидѣть, какъ отнесется императоръ Николай къ этому потоку, разрушавшему все, что онъ почиталъ на землѣ законнымъ, справедливымъ и даже священнымъ, и его рѣшимость дать могучій отпоръ всякимъ покушеніямъ на неприкосновенность русскихъ границъ выразилась ясно въ его манифестѣ 14-го марта 1848 года. Указавъ на смуты, ниспровергавшія въ Европѣ троны, законныя правительства и всякій общественный порядокъ, онъ говоритъ: „Дерзость мятежниковъ, не зная болѣе предѣловъ, угрожаетъ въ безуміи своемъ и нашей, Богомъ намъ ввѣренной, Россіи. Но да не будетъ такъ! По завѣтному примѣру православныхъ нашихъ предковъ, призвавъ на помощь Бога Всемогущаго, мы готовы встрѣтить враговъ нашихъ, гдѣ бы они ни предстали, и, не щадя себя, въ неразрывномъ союзѣ со святою нашей Русью, будемъ защищать честь имени русскаго и неприкосновенность предѣловъ нашихъ“. Войска, придвинутыя къ западнымъ границамъ, приведены были на военное положеніе, и 5-й корпусъ, въ

составъ котораго входила 15-я артиллерiйская бригада, заняла Дунайскiя княжества. 6-я батарея, гдѣ служилъ молодой Бучкiевъ, расположилась въ Валахiи, въ городѣ Плоэшты. Войска въ Дунайскихъ княжествахъ стояли въ полной боевой готовности, такъ какъ, въ сосѣдней Австрiи военныя дѣйствiя шли весьма неудачно, и корпусъ генерала Пухнера, разбитый венгерцами, и отброшенный ими въ Буковину, долженъ былъ укрыться въ предѣлахъ Валахiи. Отступавшiя войска привезли съ собою шесть чугунныхъ крѣпостныхъ орудiй и сдали ихъ на границѣ русскимъ властямъ. Для принятiя этихъ орудiй командированъ былъ отъ 6-й батареи подпоручикъ Бучкiевъ, которому было приказано сформировать изъ нихъ батарею и укрѣпить ею монастырь Синай, лежавшiй недалеко отъ трансильванской границы, дабы черезъ горные проходы не могли вторгаться къ намъ отдѣльные венгерскiе отряды и производить безпорядки въ Молдавiи и Валахiи. Такъ какъ при австрiйскихъ орудiяхъ не было прислуги, то въ распоряженiе Бучкiева назначена была команда отъ Прагскаго пѣхотнаго полка, которую онъ долженъ былъ обучить артиллерiйскому дѣлу. Для прикрытiя же, какъ этой батареи, такъ и самаго монастыря, былъ выдвинутъ къ Синаю цѣлый баталiонъ пѣхоты.

Монастырь этотъ былъ православный, но служба въ немъ отправлялась на валахскомъ, непонятномъ для насъ языкѣ, и нижнiе чины рѣдко посѣщали церковь. Молодой Бучкiевъ, вынесшiй изъ родительскаго дома чувство глубокой религiозности, присущей его далекой родинѣ, понималъ насколько молитва на чужбинѣ нужна и отрадна русскому солдату, а потому рѣшился сдѣлать попытку ввести въ монастыр-

скую службу нашъ коренной славянскій языкъ. Самъ онъ свободно владѣлъ туземными нарѣчіями, изучивъ ихъ еще въ то время, когда батарея стояла въ Бессарабіи, и ему не трудно было написать литургію на русскомъ языкѣ, но валахскими буквами. Одинъ изъ іеромонаховъ, приглашенный Бучкіевымъ, послѣ долгихъ просьбъ и увѣщаній согласился наконецъ выучить написанную литургію наизусть, и затѣмъ отслужить обѣдню на чуждомъ ему языкѣ. Бучкіевъ взялъ на себя обязанность быть его менторомъ въ произношеніи русскихъ словъ, и уроки продолжались каждое утро и каждый вечеръ. Сначала отецъ іеромонахъ читалъ по тетрадкѣ, путая и перевирая славянскій языкъ, могучіе звуки котораго долго не давались его изнѣженному, южному выговору. Но Бучкіевъ терпѣливо поправлялъ каждое слово и добился того, что произношеніе сдѣлалось и внятнымъ и достаточно правильнымъ. Тогда принялись учить наизусть,— и дѣло пошло было довольно успѣшно, какъ вдругъ уроки эти едва не прервались самымъ неожиданнымъ образомъ. Монашествующей братіи почему-то показалось, что служба въ валахской церкви, на чужомъ славянскомъ языкѣ, будетъ противна ихъ христіанскому чувству. Отецъ іеромонахъ, испуганный общимъ ропотомъ, пересталъ являться на уроки, и Бучкіеву стоило немало труда успокоить монашествующую братію, доказавъ ей, что при одинаковости православныхъ обрядовъ замѣна одного языка другимъ не измѣнитъ ни священнаго смысла, ни высокаго значенія божественной литургіи, и что, наконецъ, не слѣдуетъ оставлять безъ молитвы русскихъ солдатъ, пришедшихъ сюда издалека для того, чтобы жертвовать и жизнью и кровью за ту же православную вѣру. Этимъ доводомъ монахи усту-

пили,—и уроки возобновились снова. Въ прагскомъ баталіонѣ нашелся одинъ офицеръ, который служилъ когда-то въ придворной капеллѣ и съ малолѣтства обучался церковному пѣнію. Онъ взялся составить хоръ изъ баталіонныхъ пѣсенниковъ. И вотъ, въ одинъ изъ воскресныхъ дней, подъ сводами древняго валахскаго храма впервые раздалось русское молитвенное пѣніе. При первыхъ его звукахъ весь баталіонъ невольно преклонилъ колѣна, до того сильно, до того неожиданно было впечатлѣніе. По окончаніи обѣдни настоятель монастыря со всею братію подошелъ къ Бучкіеву и благодарилъ его за то, что онъ доставилъ возможность привлечь въ ихъ церковь такъ много молящихся и поднесъ ему просфору. Всѣ офицеры, и даже нижніе чины окружили Бучкіева и выражали ему свою благодарность. Бучкіевъ устроилъ у себя завтракъ, имѣвшій для монаховъ ту оригинальность, что во время его явился одинъ солдатъ изъ евреевъ, и въ продолженіе всей трапезы превосходно исполнялъ на цимбалахъ псалмы Давида. Всѣ были довольны, и съ этихъ поръ монахи на каждомъ шагу старались оказывать солдатамъ свое вниманіе и заботливость. Еврей со своими цимбалами и пѣніемъ молитвенныхъ псалмовъ на древнемъ еврейскомъ нарѣчіи сдѣлался необходимой принадлежностью почти каждой праздничной монашеской трапезы. Такъ прошла зима. Между тѣмъ отголоски битвъ смутно доносились до монастыря, и скоро заговорили уже о критическомъ положеніи Австріи, о постоянныхъ пораженіяхъ, наносимыхъ ей венгерскими войсками, о томъ что опасность грозитъ самой Вѣнѣ, и неизбѣжность вмѣшательства въ это дѣло Россіи съ каждымъ днемъ становилось все яснѣе и яснѣе. И вотъ, 28-го апрѣля 1849 года, раз-

далось Царское слово, возвѣстившее, что императоръ австрійскій обратился къ намъ съ просьбою о помощи. „Мы въ ней не откажемъ“,—говорилось въ манифестѣ: „Призвавъ на помощь правому дѣлу Всевышняго Вождя брани и Господа побѣдъ, Мы повелѣли нашимъ арміямъ двинуться на уничтоженіе дерзкихъ злоумышленниковъ, покушающихся потрясти спокойствіе и нашихъ областей“. И по этому слову сильная русская армія пошла черезъ Карпаты въ Венгрію. Одновременно съ этимъ и войска, расположенныя въ Дунайскихъ княжествахъ, подъ командою генерала Лидерса, должны были вступить въ Трансильванію со стороны Малой Валахіи. 4-го іюня генералъ Лидерсъ выѣхалъ изъ Бухареста и на другой день прибылъ въ монастырь Синай. Вслѣдъ за нимъ прибылъ корпусный штабъ, и Бучкіевъ пригласилъ всѣхъ начальствующихъ лицъ къ обѣду, а казначей монастыря предоставилъ въ его распоряженіе весь монастырскій погребъ, изобиловавшій старыми и дорогими винами. На другой день мимо монастыря прошелъ сильный авангардъ и сталъ на половинѣ пути къ Трансильванской границѣ. У самаго же монастыря сосредоточились наши главныя силы, и въ томъ числѣ 15-я артиллерійская бригада, въ которой служилъ Бучкіевъ. Но Бучкіеву не пришлось возвратиться во фронтъ. Онъ получилъ приказаніе сформировать новую батарею изъ шести венгерскихъ орудій, которыя взяты были флигель-адъютантомъ Скарятинымъ еще зимою въ бою подъ Германштадтомъ, и которыя везлись теперь при 5-мъ пѣхотномъ корпусѣ. Новая батарея должна была называться русско-австрійскою, и Бучкіеву для образованія при ней артиллерійской прислуги приказано было взять всю команду, находившуюся при чугунныхъ орудіяхъ

въ Синаѣ, а лошадей, аммуницію и всю матеріальную часть должны были доставить австрійцы. Батарея окончательно сформирована была уже по переходѣ границы, но въ то же самое время командиромъ ея назначенъ былъ, на мѣсто Бучкіева, поручикъ Салери, „въ томъ вниманіи, какъ писалъ генералъ Лидерсъ, что онъ находился въ бою подъ Германштадтомъ и лично участвовалъ во взятіи этихъ трофеевъ“. Бучкіевъ такимъ образомъ возвратился во фронтъ, но чтобы дать ему случай къ скорѣйшимъ отличіямъ, его перевели изъ 6-й въ 7-ю батарею, находившуюся все время въ авангардѣ. Съ этою батареею ему и пришлось участвовать въ знаменитыхъ бояхъ подъ Сегезваромъ и Германштадтомъ, доставившимъ, какъ извѣстно, Лидерсу званіе генералъ-адъютанта и Георгія 2-го класса. Личное участіе Бучкіева въ этихъ бояхъ ограничилось, конечно, скромною ролью строевого артиллерійскаго офицера, но его хладнокровіе, спокойствіе и распорядительность въ бою были отмѣчены двумя наградами: именнымъ Высочайшимъ благоволеніемъ и орденомъ св. Анны 4-й степени съ надписью „за храбрость“. Это были первыя боевыя награды молодого офицера. Затѣмъ, по окончаніи венгерской войны онъ былъ оставленъ въ Валахіи, съ порученіемъ собрать на мѣстѣ самыя подробныя свѣдѣнія о стоимости дубовыхъ деревъ на корню, о стоимости различныхъ подѣлокъ изъ дуба, употребляемыхъ въ нашей артиллеріи, а также установить цѣны на перевозку всѣхъ этихъ матеріаловъ въ Кіевъ, какъ водою, такъ и сухимъ путемъ. Это сложное и отвѣтственное порученіе, возложенное на одного изъ молодыхъ офицеровъ свидѣтельствуетъ о томъ довѣріи, какимъ Бучкіевъ пользовался у своего начальства.

Вернувшись изъ этой командировки, Бучкіевъ произведенъ былъ въ поручики, а вслѣдъ затѣмъ переведенъ въ 3-ю батарейную батарею 19-й артиллерійской бригады, расположенную на сѣверномъ Кавказѣ. Онъ прибылъ къ мѣсту своего назначенія 20-го февраля 1851 года, а въ маѣ ему пришлось уже участвовать въ первой экспедиціи противъ горцевъ. Съ ранней весны стали ходить слухи, что Магометъ-Аминъ намѣренъ вторгнуться въ наши предѣлы, чтобы напасть на мирные аулы и угнать ихъ въ горы. У насъ распорядились выставить на передовую линію нѣсколько наблюдательныхъ отрядовъ, и въ одинъ изъ нихъ, стоявшій въ верховьяхъ Кубани подъ начальствомъ князя Эристова, назначены были два батарейныя орудія подъ командою поручика Бучкіева. Такъ прошло нѣсколько времени, какъ вдругъ 13-го мая дали знать, что Магометъ-Аминъ, переправившись черезъ Лабу, захватилъ мирные аулы бесленеевцевъ. По первому извѣстію князь Эристовъ быстро двинулся отъ каменнаго моста на перерѣзъ непріятелю, и сдѣлавъ съ пѣхотой и тяжелыми орудіями въ 12 часовъ 45 верстъ, настигъ его 14-го числа на берегахъ Урупа. Передъ нами развернулась партія съ одиннадцатью значками, а черезъ нѣсколько минутъ на одинъ изъ кургановъ, занятый массою кавалеріи, поднялся всадникъ весь въ бѣломъ и на бѣлой лошади. Это былъ Магометъ-Аминъ. Въ свитѣ его, довольно многочисленной, находилось нѣсколько панцырниковъ, которыхъ не трудно было различить по ихъ блестѣвшимъ на солнцѣ кольчугамъ; за Магометъ-Аминомъ везли бѣлый значекъ съ оранжевымъ полумѣсяцемъ,—это былъ уже двѣнадцатый. Непріятель видимо намѣревался ударить на нашъ отрядъ всѣми своими силами, но Эристовъ, отважный и

опытный, предпочелъ, атаковать непріятеля, не дожидаясь его удара. Орудія Бучкіева, опередивъ пѣхоту, вынеслись впередъ и начали громить горцевъ частыми, почти непрерывными выстрѣлами. Скопище не выдержало этого огня и повернуло назадъ, преслѣдуемое нашею конницей. Конная артиллерія на измученныхъ лошадяхъ не могла поспѣть за казаками, и непріятеля неотступно преслѣдовали только орудія Бучкіева, сдѣлавшія въ 52 часа 120 верстъ. Князь Эристовъ съ особымъ удареніемъ отмѣтилъ этотъ фактъ въ своемъ донесеніи къ главнокомандующему, прибавивъ, что результатомъ столь быстрой погони было разсѣяніе скопища и обратное отбитіе нами бесленеевскихъ ауловъ. Бучкіеву объявлена была благодарность въ приказѣ по корпусу и пожалованъ орденъ св. Анны 3-й степени съ бантомъ.

Осенью того же года ему пришлось опять побывать за Кубанью, гдѣ отрядъ князя Эристова истребилъ нѣсколько ауловъ и сжегъ огромные запасы сѣна и хлѣба. Слѣдующій годъ прошелъ довольно спокойно, а въ самомъ началѣ 1853 года, четыре орудія изъ 3-й батарейной батареи назначены были въ чеченскій отрядъ князя Барятинскаго и выступили подъ командой поручика Бучкіева.

Цѣль предстоящей экспедиціи заключалась въ томъ, чтобы утвердиться на берегахъ Мичика и вырубить нѣсколько новыхъ просѣкъ, долженствовавшихъ соединить передовую кумыкскую линію съ нѣкоторыми пунктами большой Чечни, гдѣ продолжало гнѣздиться значительное враждебное намъ населеніе. Сильный русскій отрядъ подъ начальствомъ князя Барятинскаго занялъ Хоби-Шавдонскія высоты надъ самымъ спускомъ къ Мичику, но штурмовать переправу было почти невозможно. Мичикъ здѣсь не ши-

рокъ, но протекаетъ въ обрывистыхъ берегахъ и притомъ въ глубинѣ болѣе чѣмъ на десять саженъ. Спуститься съ этой кручи подъ огнемъ непріятеля и затѣмъ штурмовать отвѣсный противоположный берегъ было дѣломъ рискованнымъ. Къ тому же, переправу сторожили двадцать тысячъ горцевъ, прибывшихъ съ Шамилемъ, и 10 орудій грозно смотрѣли изъ батарей, хорошо прикрытыхъ фашинами и земляными насыпями. Барятинскій рѣшился послать всю кавалерію въ обходъ, чтобы атаковать непріятельскую позицію съ фланга. 18-го февраля, въ ожиданіи ея появленія на томъ берегу, весь отрядъ спустился съ высотъ, и наши батареи открыли страшный огонь по аулу Гурдали-юртъ, находившемуся въ центрѣ непріятельскаго расположенія. Въ ряду этихъ орудій находился и дивизіонъ, прибывшій въ отрядъ съ порučикомъ Бучкіевымъ. Въ самый полдень на томъ берегу Мичика изъ лѣсу вдругъ выдвинулась масса нашей кавалеріи и вслѣдъ за своимъ безстрашнымъ начальникомъ устремилась къ заваламъ. Впереди всѣхъ несся страшный черный значекъ Бакланова, хорошо извѣстный каждому чеченцу. Наши орудія участили огонь до послѣдней степени, чтобы помочь своей кавалеріи, а между тѣмъ, подъ прикрытіемъ того же огня, пѣхота барона Николаи бросилась на штурмъ и безъ выстрѣла перешла Мичикъ. Все скопище горцевъ, пораженное паникой, разсѣялось, и берега Мичика навсегда остались за нами.

Отсюда дивизіонъ Бучкіева перешелъ въ Малую Чечню и съ отрядомъ барона Вревскаго участвовалъ въ рекогносцировкѣ праваго берега Ассы, откуда предполагалось провести прямую дорогу въ Кахетію. За обѣ эти экспедиціи Бучкіеву было объявлено двукратно Монаршее благоволеніе.

По роспускѣ чеченскаго отряда Бучкіевъ переведенъ былъ во 2-ю батарейную батарею Кавказской гренадерской артиллерійской бригады, которою командовалъ въ то время полковникъ Москалевъ.

Близость новой турецкой войны не составляла уже тогда секрета, и едва Бучкіевъ прибылъ въ Мухровань, гдѣ стояла батарея, какъ послѣдняя получила приказаніе выступить въ Александрополь, гдѣ формировался корпусъ, предназначенный для дѣйствія на кавказско-турецкой границѣ. При перевалѣ черезъ Безобдалъ, Бучкіеву пришлось оказать артиллеріи немаловажную услугу, благодаря знанію имъ грузинскаго языка, нравовъ и обычаевъ туземнаго населенія. Поднять на Безобдалъ тяжелыя орудія въ ненастную осень было крайне трудно, а собрать въ короткое время огромное количество воловъ и буйволовъ казалось невозможнымъ: отрядъ пришелъ въ Акзабіюкъ поздно, и съ разсвѣтомъ долженъ былъ двинуться дальше. Бучкіевъ взялся, однако, исполнить это порученіе, и въ темную, дождливую ночь, объѣзжая то греческія, то грузинскія деревни, обращаясь вездѣ къ патріотическому чувству народа, внушая ему, что священная война идетъ за вѣру, за которую вѣками ратовали ихъ праотцы,—онъ къ утру собралъ все, что было нужно, и батареи не были задержаны въ походѣ ни на минуту.

Перваго ноября къ войскамъ прибылъ князь Василій Осиповичъ Бебутовъ, а на другой день большая часть войскъ, стоявшихъ въ Александрополѣ, получила приказаніе выдвинуться впередъ къ сел. Баяндуру, чтобы прикрыть населеніе края, сильно терпѣвшее отъ курдовъ и башибузуковъ, которые въ числѣ 2-хъ или 3-хъ тысячъ расположились на нашей сторонѣ въ пограничныхъ деревняхъ.

Въ составъ этого отряда, порученнаго генералъ-маіору князю Орбеліани, назначена была и 2-я батарея гдѣ служилъ Бучкіевъ. Война еще не была объявлена, а потому встрѣча со всею турецкою арміею въ нашихъ предѣлахъ, никому не приходила въ голову. Войска просто шли на стоянку, а потому везли съ собою огромный обозъ. Въ четвертомъ часу, когда время близилось уже къ вечеру, Орбеліани, подходя къ Баяндуру, увидѣлъ передъ собою значительныя толпы курдовъ и башибузуковъ. Вызванная на позицію 2-я батарея прогнала ихъ нѣсколькими выстрѣлами,—но едва войска двинулись дальше, какъ вдругъ съ горы, на которой стоялъ Баяндуръ, грянулъ по насъ залпъ изъ 44-хъ орудій, и бѣшеная канонада загремѣла съ турецкой стороны. Въ тотъ же моментъ всѣ сосѣднія высоты покрылись турецкими войсками—пѣхотой и конницей. Ихъ было тысячъ тридцать. Не было сомнѣнія, что передъ нами находилась вся анатолійская армія. Войска остановились въ недоумѣніи. Что было дѣлать? Атаковать съ пятью тысячами сильную непріятельскую позицію было невозможно; отступить—значило сразу поднять духъ непріятеля и уронить его въ собственныхъ войскахъ. Князь Орбеліани тотчасъ далъ знать о своемъ положеніи князю Бебутову, а до тѣхъ поръ рѣшилъ стоять и умирать на мѣстѣ съ достоинствомъ. Обѣ батарейныя батареи, вызванныя въ первую линію, тотчасъ открыли огонь, сблизившись съ непріятелемъ на 450 саж. Начался страшный артиллерійскій бой, когда 16-ти нашимъ орудіямъ отвѣчали 44 турецкихъ. Засыпаемыя снарядами, неся огромныя потери, батареи наши дѣйствовали съ необычайнымъ мужествомъ и хладнокровіемъ. Два раза турецкая пѣхота выдвигалась изъ лощинъ, чтобы идти въ ата-

ку, но не выдерживая орудійнаго огня, поворачивала назадъ. Въ седьмомъ часу вечера 1-я батарейная батарея, не могла уже дѣйствовать и, снявшись съ позиціи, была отведена назадъ. Передъ непріятелемъ осталась только одна 2-я батарея. Къ счастію въ это время изъ Александрополя показались свѣжія войска, которыя велъ князь Бебутовъ. Турки первые прекратили огонь и стали переправляться обратно за Арпачай. Этотъ бой, рѣдко встрѣчающійся въ исторіи войнъ, выказалъ въ полной мѣрѣ мужество и хладнокровную стойкость нашихъ артиллеристовъ, но и стоилъ имъ зато огромной потери. Въ теченіи трехъ часовъ двѣ батареи выпустили 1330 снарядовъ и потеряли двухъ офицеровъ, 69 нижнихъ чиновъ и 111 лошадей. Бучкіевъ за отличіе въ этомъ бою произведенъ въ штабсъ-капитаны. Черезъ 17 дней послѣ Баяндура произошло извѣстное всѣмъ Башъ-Кадыкларское сраженіе, въ которомъ девяти-тысячный русскій корпусъ наголову разбилъ тридцати-шеститысячную турецкую армію.

Какъ только русскія войска, предводимыя княземъ Бебутовымъ, перешли Карсъ-чай, передъ ихъ глазами, открылась обширная равнина, прорѣзанная глубокимъ оврагомъ, въ которомъ бѣжала рѣчка Маврикъ-чай, а за нею возвышался рядъ холмовъ, скрывавшихъ за собою бѣдную деревушку Башъ-Кадыкларъ,—имя, которому суждено было стать историческимъ. На самомъ переднемъ планѣ виднѣлась деревня Огузлы съ огромнымъ каменнымъ соборомъ, который издали одинъ только и видѣнъ, какъ колосъ, поставленный сторожить равнину. Здѣсь въ Огузлахъ стоялъ центръ непріятельской арміи, а фланги ея тянулись вправо до дер. Гамза-Кирякъ, а лѣвый упирался уже въ Караялъ.

Русскія войска построились въ боевой порядокъ. Въ первой линіи стали четыре баталіона пѣхоты, вторая батарейная батарея, въ которой однимъ изъ взводовъ командовалъ поручикъ Бучкіевъ, потомъ пятая батарейная батарея и первая легкая.

Приблизившись на разстояніе около 350-ти саженей къ деревнѣ Огузлы, начальникъ артиллеріи генералъ Бриммеръ, ѣхавшій впереди батарей, приказалъ сняться съ передковъ и открыть пальбу по селенію. Намъ отвѣчали перекрестнымъ огнемъ 30 непріятельскихъ орудій: двадцать два били насъ слѣва, а восемь орудій справа. Тогда вторая батарейная батарея взяла на передки и, заѣхавъ правымъ плечомъ, стала параллельно большой непріятельской батареи. Не смотря на пахоть и частый непріятельскій огонь, все передвиженіе, по свидѣтельству Бриммера, было сдѣлано въ необыкновенномъ порядкѣ и тишинѣ. Онъ самъ проѣхалъ по фронту батареи и просилъ офицеровъ хорошенько мѣтить, такъ какъ непріятельскія орудія искусно были скрыты за гребнемъ возвышенности, и ихъ почти не было видно. Непріятель сосредоточилъ весь свой огонь на нашу батарею, и если бы не пахотная земля, которая не позволяла снарядамъ дѣлать рекошеты, потеря наша была бы громадная. Начальникъ артиллеріи съ удовольствіемъ видѣлъ, что батарея наша работала дружно, хладнокровно, и что въ ней вовсе не было ни суеты, ни торопливости.

Между тѣмъ вторая наша линія получила приказаніе выдвинуться влѣво и атаковать главную непріятельскую батарею; но едва гренадеры двинулись, какъ непріятель изъ Огузловъ попытался самъ перейти въ наступленіе. Картечь второй батареи сразу остановила турецкую пѣхоту, и сол-

даты ея, засѣвъ за каменьями, открыли оттуда бѣглый ружейный огонь. „Орудія въ передки, знамена впередъ!“ —скомандовалъ Бриммеръ,—и вторая батарейная батарея развернутымъ фронтомъ, между двумя ширванскими полубаталіонами, двинулась рысью на массу непріятельской пѣхоты. Въ ста саженяхъ отъ нея батарея быстро снялась съ передковъ и ударила картечью. Разстроенные баталіоны бросились въ оврагъ. Батарея подъѣхала еще ближе—еще картечь,—и баталіоны побѣжали, преслѣдуемые ширванцами. Въ это время гренадеры овладѣли главнымъ пунктомъ непріятельской позиціи. Турецкая пѣхота повсюду бѣжала, громимая вслѣдъ второю батарейною батареею, которая успѣла расположиться надъ самымъ оврагомъ. Это были послѣдніе отзвуки Башъ-Кадыкларской битвы. Турецкая армія, была разбита наголову и оставила намъ въ добычу 30 орудій, 18 знаменъ и два лагеря. За отличіе въ этомъ сраженіи Бучкіевъ былъ награжденъ золотою шашкою.

Кампанія 1853 года была окончена. Войска заняли зимнія квартиры, но четыре орудія 2-й батарейной батареи, и въ томъ числѣ взводъ Бучкіева, назначены были въ особый отрядъ князя Багратіона-Мухранскаго, который шелъ въ Озургеты съ тѣмъ, чтобы выбить турокъ изъ Николаевскаго укрѣпленія, захваченнаго ими еще до объявленія войны. Этотъ походъ былъ одинъ изъ самыхъ трудныхъ походовъ на Кавказѣ. Изъ Александрополя выступили въ декабрѣ мѣсяцѣ, когда стояли сильные морозы и бушевали мятели такія, что отрядъ на первомъ же переходѣ не могъ добиться до ночлега и сталъ бивуакомъ въ открытомъ полѣ, засыпаемый снѣжными сугробами, которые измученные люди едва успѣвали отгребать отъ орудій. Такъ продолжалось

и далѣе. До Сурама добились еще кое-какъ, но далѣе двигаться на лошадяхъ было уже невозможно: по дорогамъ лежала такая густая липкая грязь, что колеса тонули по ступицу и переставали вертеться. Отсюда до самыхъ уже Озургетъ въ орудія впрягали воловъ или буйволовъ, и за цѣлый день едва-едва проходили шесть или семь верстъ. О ночлегахъ подъ какою-нибудь кровлею нечего было и думать; ночевали тамъ, гдѣ заставала темнота, а однажды, въ шаропанской долинѣ пришлось провести всю ночь на ногахъ, потому что, опустившись на землю, можно бы было захлебнуться въ грязи, до того она была глубока. Обозы отстали далеко, и люди не ѣли по суткамъ. Самому Бучкіеву приходилось труднѣе всѣхъ, такъ какъ, по знанію имъ грузинскаго языка, на него возложили обязанность разбирать всѣ споры и жалобы погонщиковъ, а этихъ жалобъ на каждомъ переходѣ являлось такъ много, что онѣ отнимали у Бучкіева послѣднія минуты отдыха. За Шаропанью опять начались глубокіе снѣга, и орудія пришлось снять съ лафетовъ и переложить на сани, такъ какъ мягкій грунтъ не выдерживалъ тяжести батарейныхъ пушекъ, и даже нѣсколько паръ буйволовъ не могли ихъ стронуть съ мѣста. Но вотъ наконецъ и Озургеты,—конецъ общимъ страданіямъ. Но здѣсь постигло всѣхъ новое, и еще большее разочарованіе: экспедиція была отмѣнена, и всѣ лишенія, труды и невзгоды пропали даромъ. Въ добавокъ, въ Озургетахъ нечѣмъ было кормить батарейныхъ лошадей, и ихъ, подъ присмотромъ штабсъ-капитана Бучкіева, отправили на лѣвый берегъ Ріона, гдѣ за неимѣніемъ какого-нибудь жилья, ему пришлось провести зиму въ соломенномъ шалашѣ не защищавшемъ ни отъ рѣзкаго вѣтра, свирѣп-

ствовавшаго здѣсь по недѣлямъ, ни отъ дождя, ни отъ снѣга. Только молодость, закаленная натура его, да необыкновенная душевная эмоція и могли бороться, и переносить такія невзгоды.

Съ наступленіемъ весны артиллеристы 2-й батареи оставили свои орудія въ Озургетахъ для передачи ихъ въ 13-ю артиллерійскую бригаду, а взамѣнъ ихъ приняли на возвратномъ пути четыре же орудія изъ тѣхъ батарей, которыя зимовали въ Гори. Съ этими новыми пушками имъ и пришлось участвовать въ памятномъ сраженіи подъ Кюрюкъ-Дара, гдѣ шестнадцать тысячъ русскихъ разбили 60-титысячную турецкую армію, и однимъ ударомъ окончили кампанію 1854 года.

Подробное описаніе этого генеральнаго сраженія, происходившаго 24-го іюля не входитъ въ рамки предлагаемой статьи. Довольно сказать, что пока наши фланги удерживали напоръ громадныхъ силъ непріятеля, нашъ центръ самъ перешелъ въ наступленіе и своимъ ударомъ порѣшилъ участь сраженія. Три батарейныя батареи, въ томъ числѣ вторая, въ которой служилъ Бучкіевъ, открыли первый огонь съ 450 саженей, и затѣмъ, послѣдовательно перемѣнивъ еще двѣ позиціи подъ тучей непріятельскихъ снарядовъ, снялись съ передковъ въ семидесяти саженяхъ. Этотъ моментъ, т. е. моментъ снятія съ передковъ на третьей и послѣдней позиціи, говоритъ Бриммеръ въ своихъ запискахъ, трудно описать въ подробностяхъ. Это была рѣшительная минута въ игрѣ, которую Шекспиръ назвалъ „быть или не быть?“ Турки проигрывали только поле сраженія и славу битвы, мы—все. „Шагъ назадъ—и нашъ малочисленный корпусъ былъ бы подавленъ, смятъ, граница открыта,

резервовъ нѣтъ, дорога чиста до Тифлиса и по всему краю. Я подвелъ батареи такъ близко, ибо видѣлъ, что будетъ штыковая работа и надо было, чтобы люди не бѣжали полъ-версты и не пришли къ работѣ усталыми. Да и какъ весело, какъ надежно, шли гренадеры за нашими батареями". Самый маневръ снятія съ передковъ, по словамъ Бриммера, произошелъ такъ быстро, что онъ, ѣхавши впереди второй батареи, едва успѣлъ проскакать на флангъ, какъ 24 орудія ударили уже картечью. Турки отвѣчали залпами. Но что происходило затѣмъ описывать невозможно. Все затянулось густыми облаками порохового дыма, затмившими даже яркій солнечный день, и среди этой мрачной обстановки съ зловѣщимъ гуломъ проносились только цѣлыя тучи свинца и чугуна. Замѣтивъ однако, что турецкіе баталіоны, поражаемые нашею картечью, сбѣжали въ оврагъ, и оттуда стрѣляли вверхъ такъ, что пули падали далеко за линіей орудій. Бучкіевъ громкимъ голосомъ скомандовалъ: „Отбой!"—и его взводъ моментально прекратилъ огонь. Когда Бучкіева спросили, что это значитъ, онъ отвѣчалъ, что̀ стрѣлять напрасно, такъ какъ непріятеля не видно, что̀ онъ бережетъ снаряды, и встрѣтитъ баталіоны картечью тогда, когда они пойдутъ изъ оврага. Начальникъ артиллеріи генералъ Бриммеръ, находившійся возлѣ батареи, остался очень доволенъ и его отвѣтомъ, и его распорядительностью, невольно передававшую людямъ спокойствіе и хладнокровіе въ минуты опасности. Въ это время подошла гренадерская бригада. Какъ только передніе баталіоны ея прошли въ интервалы батарей, турки поднялись изъ оврага,—и обѣ стороны, какъ по командѣ, ринулись въ штыки. Страшный рукопашный бой завя-

зался шагахъ въ пятидесяти отъ нашихъ орудій, заряженныхъ картечью. Это былъ рѣдкій штыковый бой, длившійся цѣлыя 15 или 20 минутъ. Турки, наконецъ, не выдержали и повернули назадъ, преслѣдуемые гренадерами. Бриммеръ схватилъ изъ 2-й батареи два орудія штабсъ-капитана Бучкіева и, заскакавъ съ ними во флангъ, поражалъ бѣгущихъ картечью. Среди сумятицы этого боя, вдругъ справа показался турецкій кавалерійскій полкъ. Орудія Бучкіева тотчасъ повернули въ ту сторону. Залпъ картечью,—и кавалерія поскакала назадъ. Видя, что сраженіе въ центрѣ уже оканчивается, полковникъ Лагода хотѣлъ отозвать орудія Бучкіева назадъ, но Бучкіевъ прислалъ сказать, что кавалерія угрожаетъ новой атакой и что будетъ лучше, если Лагода присоединится къ нему со всею батареею. Батарея тотчасъ вынеслась впередъ, но кавалерія осталась вдали и не рѣшилась повторить атаку.

Разбитіе центра повело за собою пораженіе фланговъ, и турецкая армія бѣжала по всему протяженію боевого поля.

За кюрюкдаринское сраженіе Бучкіевъ былъ награжденъ орденомъ св. Владимира 4-й степени съ бантомъ.

Кампанію 1855 года, когда военныя дѣйствія происходили уже подъ стѣнами Карса, Бучкіеву не удалось довести до конца. Онъ участвовалъ только въ первомъ движеніи Муравьева за Соганлугъ, для истребленія турецкихъ запасовъ, а по возвращеніи оттуда былъ переведенъ въ іюнѣ мѣсяцѣ старшимъ офицеромъ въ 3-ю легкую батарею 19-й артиллерійской бригады, расположенную на правомъ флангѣ Кавказской линіи.

Заинтересованные событіями на главномъ театрѣ вой-

ны, мы въ теченіе 1855 и 1856 годовъ, разумѣется, не могли развить вполнѣ свои дѣйствія за Кубанью. Главнѣйшая наша забота заключалась въ томъ, чтобы удержать за собою тѣ мѣста, которыя уже были заняты, и хотя генералъ Евдокимовъ представлялъ обширный планъ наступательныхъ дѣйствій, но ему разрѣшено было только продолжать усиленія существовавшихъ уже укрѣпленій по Большой Лабѣ, да положить начало устройству будущей Мало-Лабинской линіи, которую предполагали упереть въ Главный хребетъ, чтобы такимъ образомъ разобщить Закубанскія племена отъ горцевъ центра и востока. Не смотря на такую сравнительно скромную программу, Бучкіеву пришлось участвовать со своими орудіями въ составѣ Мало-Лабинскаго отряда, въ которомъ онъ оставался съ осени 1855 по декабрь 56-го года. Выдающихся дѣлъ не было, но перестрѣлки шли безпрерывныя, и Бучкіевъ награжденъ былъ орденомъ св. Станислава 2-й степени съ мечами. Съ этихъ поръ боевая жизнь Бучкіева перерывается почти на три года. Онъ былъ назначенъ въ образцовую пѣшую батарею, откуда возвратился 14-го января 1860 года уже капитаномъ и съ орденомъ св. Станислава 2-й степени съ короной, полученнымъ имъ за отлично-усердную службу. По возвращеніи на Кавказъ, онъ былъ сначала прикомандированъ къ 3-й горной, а затѣмъ переведенъ въ 5-ю легкую батарею той же 19-й артиллерійской бригады.

Съ горною батареею онъ участвовалъ лѣтомъ 1860 года въ адагумскомъ отрядѣ генерала Бабича, при заложеніи имъ укрѣпленія въ тѣснинахъ Неберджая, и затѣмъ въ устройствѣ адагумской кордонной линіи. Здѣсь, изъ числа выдающихся дѣлъ, можно назвать штурмъ аула Куй-

Хабль, стоявшаго въ низовьяхъ рѣки Богундыря. Онъ былъ атакованъ отрядомъ полковника Фрейганга 28-го сентября и взятъ послѣ упорнаго боя, причемъ въ нашихъ рукахъ осталось одно непріятельское орудіе. Успѣху штурма немало содѣйствовала особая колонна изъ двухъ ротъ стрѣлковъ и одного орудія, которая, подъ начальствомъ капитана Бучкіева, занявъ всѣ перелѣски и хутора по лѣвую сторону Богундыря, отразила многочисленное скопище шапсуговъ, стремившееся дать помощь атакованному аулу.

Въ слѣдующемъ 1861 году Бучкіевъ участвовалъ съ дивизіономъ уже 5-й легкой батареи въ движеніи адагумскаго отряда отъ Абина къ Геленджику и въ истребленіи горскихъ запасовъ по рр. Антхырю, Хаблю и Азипсу. Съ этимъ же отрядомъ онъ участвовалъ и на царскомъ смотру, когда Императоръ Александръ II-й, объѣзжая Кубанскую область посѣтилъ 21-го сентября 1861 года адагумскій отрядъ, стоявшій тогда на Георгіевской полянѣ близъ Неберджайской тѣснины.

Надо сказать, что Бучкіевъ за штурмъ аула Куй-Хабль представленъ былъ къ Аннѣ 2-й степени съ мечами; но прежде чѣмъ вышла эта награда, онъ получилъ тотъ же аннинскій крестъ безъ мечей за царскій смотръ; а потому за боевыя отличія въ лѣтнюю экспедицію 1860 года ему пожалованы были только мечи, уже къ имѣющемуся у него ордену.

Какъ отличный артиллерійскій офицеръ, давно обратившій на себя вниманіе начальства, Бучкіевъ въ томъ же году назначенъ былъ осматривающимъ оружіе въ войскахъ Кубанской области, и съ этихъ поръ въ теченіе трехъ лѣтъ проводилъ время въ безпрерывныхъ разъѣздахъ по разнымъ полкамъ. Самъ участвуя въ дѣлахъ, онъ не разъ замѣчалъ,

что во время перестрѣлокъ съ горцами, наши ружья перестаютъ дѣйствовать отъ разстройства или порчи какихъ-нибудь ружейныхъ частей, тогда какъ устранить такое неудобство можно бы было въ нѣсколько минутъ, если бы только подъ рукою были запасныя ружейныя части. Онъ донесъ объ этомъ графу Евдокимову, и послѣдній, найдя эту мѣру совершенно необходимою, предписалъ всѣмъ войскамъ, чтобы въ экспедиціяхъ каждая часть имѣла при себѣ непремѣнно слесаря съ запасными частями, который обязанъ былъ тотчасъ-же замѣнять испорченныя вещи другими. Это была одна изъ тѣхъ практическихъ мѣръ, которая, впослѣдствіи, не разъ устраняла въ бою неизбѣжную суету и замѣшательство.

Занятіе оружейнымъ дѣломъ не помѣшало Бучкіеву принять участія въ военныхъ дѣйствіяхъ даховскаго отряда, происходившихъ въ 1862 году между рр. Бѣлой и Пшехой, и потомъ на Курджипсѣ, а въ 1863 году на Пшишѣ. Наградами Бучкіеву за боевыя отличія въ этихъ экспедиціяхъ были чинъ подполковника и орденъ св. Анны 2-й степени съ короной и мечами.

Съ производствомъ въ подполковники Бучкіевъ въ томъ же 1863 году назначенъ былъ командиромъ Темрюкской крѣпостной артиллеріи, а черезъ годъ переведенъ въ Петровскъ на ту же самую должность. Затѣмъ, въ 1867 году онъ получилъ въ командованіе 1-ю легкую батарею 20-й артиллерійской бригады. Служба въ батареи доставила ему въ 1874 году чинъ полковника, а еще ранѣе, когда праздновался столѣтній юбилей Георгіевскаго ордена, онъ, какъ имѣющій золотое оружіе, награжденъ былъ особой бронзовой медалью. Затѣмъ въ 1875 году Бучкіевъ по до-

машнимъ обстоятельствамъ уволенъ былъ въ продолжительный отпускъ съ зачисленіемъ по полевой пѣшей артиллеріи. Въ это время началась сербская война, и Бучкіевъ, какъ старый воинъ не могъ оставаться равнодушнымъ къ общему движенію, охватившему тогда Россію. Онъ снова явился на службу и въ сентябрѣ 1876 года назначенъ былъ командиромъ 1-й батареи 38-й артиллерійской бригады. Съ этою батареею онъ и сдѣлалъ послѣднюю турецкую кампанію въ составѣ приріонскаго отряда. Мы остановимся на болѣе подробномъ описаніи двухъ дней 11-го и 12-го іюня, когда разыгралась грозная Цихисъ-дзирская битва.

Утромъ 10-го іюня всѣ наши батареи разставили свои орудія на позиціи, занятой на высокой горѣ Самебо, откуда предполагалось обстрѣливать грозную цихисъ-дзирскую позицію турокъ. Кругомъ нашихъ батарей стоялъ вѣковой дремучій лѣсъ, сквозь непроницаемую чащу котораго нельзя было видѣть непріятеля. Начальникъ отряда генералъ-лейтенантъ Оклобжіо сдѣлалъ распоряженіе, чтобы всѣ деревья, мѣшавшія нашимъ орудіямъ, были подпилены и передъ самымъ сраженіемъ разомъ повалены на землю. „Я цѣлую ночь не спалъ,—говоритъ Бучкіевъ въ одномъ изъ своихъ писемъ,—и былъ сильно утомленъ, но въ виду важности дѣла бодрствовалъ, понимая, что мнѣ предстояло прежде всего хорошо ознакомиться съ окружающею мѣстностью, а главное осмотрѣть расположеніе непріятельскихъ орудій. Первая батарея 38-й артиллерійской бригады, которою я командовалъ, стояла какъ разъ противъ одной изъ цихисъ-дзирскихъ высотъ, такъ называемой Квирике. Высота эта значительно командовала и надъ тѣми горами, на которыхъ былъ расположенъ турецкій лагерь, и надъ нашею позиціею. Все

свое вниманіе я и сосредоточилъ на вершину Квирике, гдѣ была устроена громадныхъ размѣровъ батарея, прикрытая земляною насыпью. Земля была глинистая желтаго цвѣта, а потому и самая батарея получила у насъ названіе „желтой". До мельчайшихъ подробностей осматривалъ я эту грозную батарею, стараясь отыскать ея слабыя стороны. И онѣ были мною найдены. У меня на душѣ стало гораздо легче, когда я сообразилъ, что при такомъ командующемъ положеніи батареи необходимо самое хладнокровное и тонкое управленіе орудіями, а этого я не могъ допустить въ турецкой артиллеріи. Къ тому же на желтой батареи поставлены были четыре стальныя шести-фунтовыя орудія, слѣдовательно меньшаго колибра, чѣмъ у меня девяти-фунтовыя. Къ вечеру я возвратился въ лагерь, чтобы немного отдохнуть въ своемъ шалашѣ, гдѣ меня ожидалъ мой человѣкъ Андрей съ самоваромъ. Но не я одинъ осматривалъ непріятельскую позицію. Возвращаясь назадъ я увидѣлъ, что всѣ нижніе чины моей батареи стоятъ возлѣ своихъ орудій и внимательно смотрятъ сквозь чащу вѣкового лѣса на гору Квирике. Проходя мимо я замѣтилъ по выраженію ихъ лицъ, что они смущены и ждутъ, не скажу ли я имъ чего-нибудь утѣшительнаго. Было очевидно, что ихъ озабочивало значительное командованіе надъ нами Цихисъ-дзирской позиціи, а слѣдовательно и желтой батареи, противъ которой мы должны были дѣйствовать. Я понималъ душевное состояніе моихъ солдатъ и счелъ необходимымъ сказать имъ нѣсколько задушевныхъ и ободряющихъ словъ: „Не смотрите, братцы, что турки выше насъ", говорилъ я имъ самымъ самоувѣреннымъ тономъ, „наша позиція имѣетъ огромное преимущество передъ желтою батареею. Вы, братцы, сами артиллеристы и

должны понять, что только тѣ турецкіе выстрѣлы будутъ вредить намъ, которые навѣсно попадутъ въ самую батарею,—а это очень трудно. Тѣ же, которые упадутъ возлѣ, зароются въ землю и не причинятъ намъ вреда. Напротивъ, ваши выстрѣлы снизу вверхъ будутъ поражать непріятеля на всемъ протяженіи полета снаряда". „Вы сами видите", сказалъ я въ заключеніе, „что намъ удобнѣе стрѣлять снизу вверхъ, чѣмъ туркамъ сверху внизъ". Солдатики развеселились и среди нихъ пошли веселые разговоры и прибаутки. Проходя далѣе я встрѣтилъ начальника штаба кобулетскаго отряда полковника Казбека, который шелъ осматривать наши батареи. „Какъ вы полагаете, спросилъ онъ меня, управимся-ли мы съ турецкою артиллеріею?"— „Управимся", отвѣчалъ я, „и даже очень скоро". Напившись чаю, я прилегъ отдохнуть, но спалъ урывками, часто просыпался, и въ полдень былъ уже опять на батареѣ. Скоро къ намъ прибылъ начальникъ штаба войскъ Приріонскаго края полковникъ Краевичъ, сопровождаемый огромною свитой, въ числѣ которой находились и депутаты, прибывшіе къ Оклобжіо отъ имеретинъ и гурійцевъ съ заявленіемъ, что они готовы, по призыву нашего правительства, жертвовать и жизнію своею и всѣмъ своимъ достояніемъ. Поговоривъ немного со мною, Краевичъ пошелъ осматривать другія батареи, а я занялся опять наблюденіемъ за моимъ противникомъ. Турецкій часовой мѣрно расхаживалъ по брустверу желтой батареи, прислуга находилась возлѣ орудій, и время отъ времени съ турецкой стороны раздавался выстрѣлъ, направляемый на нашу позицію. Мы не отвѣчали. Этотъ, спокойно расхаживающій, часовой, оживленное движеніе прислуги между орудіями, эти равно-

мѣрно гремѣвшіе выстрѣлы—все носило характеръ увѣренности и надежды турокъ на свою громадную желтую батарею. Намъ было извѣстно, что на другой день начнется сраженіе, а потому я приступилъ тогда же къ приготовленіямъ къ бою: люди были мною расчитаны съ запасомъ на случай убыли; фельдшеру съ санитарными вещами и носилками указано соотвѣтствующее мѣсто; по дорогѣ къ обозу, гдѣ были вторые и третьи зарядные ящики и всѣ батарейныя лошади, разставлены верховые для быстрой передачи приказаній; снаряды и заряды были выложены изъ ящиковъ и установлены около орудій; назначены были также особые люди, которые во время боя должны были безпрерывно подносить воду и для этого на каждое орудіе я выдалъ по два мѣдныхъ котла. Затѣмъ, собравъ къ себѣ гг. офицеровъ, я ознакомилъ каждаго изъ нихъ съ тою обязанностью, какую они должны исполнять во время сраженія, и наконецъ приказалъ готовить людямъ обѣдъ, положивъ по два фунта мяса на человѣка.

Пока я дѣлалъ эти распоряженія, саперы успѣли уже возвести на каждое орудіе небольшое укрѣпленіе, состоявшее изъ земляной насыпи, прикрывавшей орудіе такъ, что издали видно было одно только дуло; по сторонамъ вырыты были траншейки для прислуги, а на продолженіе рва, подъ земляною насыпью, устроены помѣщенія для артиллерійскихъ снарядовъ. Эти не хитрыя сооруженія пригодились намъ на слѣдующій день, и много способствовали къ уменьшенію нашей потери.

Вернувшись въ свой шалашъ, я встрѣтилъ брата Михаила *), котораго не видѣлъ съ самаго выѣзда изъ Тиф-

*) Потомъ убитаго на штурмѣ Карса.

лиса. Онъ командовалъ Пятигорскимъ полкомъ, и мнѣ пріятно было слышать, что онъ пользовался общею любовью и расположеніемъ за свой мягкій любезный характеръ, за знаніе дѣла и неуклонное исполненіе своихъ обязанностей, чуждаго всякаго педантизма. Мы провели съ нимъ время до самаго вечера, когда получена была, наконецъ, диспозиція на слѣдующее утро. Войска раздѣлены были на двѣ колонны. Правою командовалъ генералъ Шелеметевъ, лѣвою—Гурчинъ. Пятигорскій полкъ оставался въ резервѣ, и его командиру подчинены были также всѣ 42 орудія, расположенныя на горѣ Самебо. Такъ какъ нашъ самебскій отрядъ являлся совершенно отдѣльнымъ, то мы условились съ братомъ, что передъ началомъ сраженія музыка его полка сыграетъ молитву: „Коль славенъ нашъ Господь въ Сіонѣ“, потомъ „Боже, Царя храни“, и когда начнется аккордъ: „царствуй на страхъ врагамъ“, одновременно дать залпъ изъ всѣхъ пяти батарей.

11 іюня часа въ 2 утра, когда тьма только начинаетъ уступать мѣсто свѣту, вдругъ послышался страшный трескъ и гулъ, отъ котораго поколебалась земля, и этотъ гулъ, разнесшись по ущельямъ горъ, покрытыхъ вѣковымъ лѣсомъ, передался эхомъ въ Черное море, которое находилось отъ горы Самебо около 10-ти верстъ и было намъ ясно видно. Этотъ страшный гулъ происходилъ отъ паденія громадныхъ деревъ, подпиленныхъ еще наканунѣ, а теперь саперы принялись расчищать пространство передъ моими орудіями. Это было начало кроваваго дня. Когда все стихло, вдругъ поднялись и разсыпались яркими звѣздочками одна за другою три ракеты, послужившія сигналомъ къ открытію боя. Офицеры и нижніе чины моей батареи стояли

по своимъ мѣстамъ, и всѣ обратились ко мнѣ въ ожиданіи моей команды. Въ это время солнце начало уже подниматься и вмѣстѣ съ тѣмъ мало-по-малу стали рельефно обрисовываться горные силуеты хребта и его сѣверо-западные отроги, спускающіеся къ рѣчкѣ Кинтриши. Видна стала и наша желтая батарея. Природа и англійскіе инженеры воздвигли передъ нами недоступную крѣпость, расположенную на горахъ, пересѣченныхъ ущельями, съ кручами и лѣсами, да съ желтыми пятнами—батареями, ложементами и засѣками въ нѣсколько ярусовъ. Тамъ было тихо, но передъ бурей всегда бываетъ тишина. Я ясно замѣтилъ, что у турокъ царило нѣкоторое смущеніе: на брустверѣ не видно было уже горделиво прогуливающагося часового; среди прислуги не было уже того оживленнаго движенія, какое замѣтно было наканунѣ. Можно было подумать, что мгновенное паденіе вѣковыхъ лѣсовъ съ поражающимъ шумомь, и видъ 42-хъ девяти-фунтовыхъ жерлъ, открывшихся внезапно послѣ исчезновенія лѣса, сильно подѣйствовало на турокъ. Въ это самое время вдали послышались звуки музыки, какъ было условлено мною съ братомъ; она играла „Коль славенъ". Я скомандовалъ „шапки долой" и приказалъ одному изъ фельдфебелей громко читать „Отче нашъ". А музыка уже играла „Боже, Царя храни",—и со звуками ея: „На страхъ врагамъ" грянулъ мой первый пушечный выстрѣлъ. Турки отвѣчали намъ изъ всѣхъ своихъ орудій. Въ то же время прилетѣвшій на всѣхъ парахъ броненосецъ принялъ участіе въ битвѣ и началъ обстрѣливать нашу правофланговую батарею, но безуспѣшно. Тогда морское чудовище перемѣнило позицію, приблизилось къ устью Кинтриши и стало посылать громадные снаряды вдоль всей горы Самебо. Одинъ

изъ этихъ снарядовъ попалъ въ дубъ, подъ которымъ былъ мой шалашъ, и упалъ какъ разъ возлѣ моего человѣка, но къ счастью снарядъ не разорвало. Трудно описать канонаду, когда съ обѣихъ сторонъ гремѣло болѣе ста орудій. При полномъ сіяніи солнца вся окрестность затонула въ клубахъ дыма, и самый воздухъ пришелъ въ такое колебаніе, что производилъ сплошной безпрерывный гулъ, раскаты котораго доносились до самыхъ Озургетъ, лежавшихъ въ 29-ти съ 1/2 верстахъ. Весь городъ находился въ сильномъ волненіи, и жители по колокольному звону стали стекаться въ церковь молиться. Можно вообразить, что происходило тогда на горѣ Самебо. Кругомъ моей батареи спереди, сзади, надъ нею—неслись и съ трескомъ разрывались тысячи снарядовъ. Къ счастью, ни одна граната не упала на самую батарею. Оживленная дѣятельность была неимовѣрна: каждый изъ насъ ничего не чувствовалъ, ничего не видѣлъ, кромѣ своего врага, на котораго было устремлено все наше вниманіе. Любо было смотрѣть на нашихъ молодыхъ солдатъ, которые и душою и тѣломъ всецѣло отдались своему дѣлу. Каждый изъ чиновъ батареи исполнялъ свои обязанности быстро и чрезвычайно усердно. Во время этой страшной канонады ко мнѣ подбѣжалъ фейерверкеръ, завѣдующій обозомъ, и доложилъ, что тамъ невозможно стоять, такъ какъ гранаты безпрерывно падаютъ и рвутся около самыхъ ящиковъ. Я приказалъ ему отыскать гдѣ-нибудь безопасное мѣсто. Онъ отвѣтилъ категорически, что искалъ, и нигдѣ не нашелъ. Вся площадь, лежавшая за нами, на разстояніи 4—5 верстъ была буквально засыпана осколками турецкихъ снарядовъ. Тогда я приказалъ, чтобы весь обозъ не толпился вмѣстѣ, а раз-

ставить лошадей, ящики и фуры по разнымъ мѣстамъ, какъ можно дальше другъ отъ друга. Онъ такъ и сдѣлалъ, и бой окончился тѣмъ, что въ моемъ обозѣ оказались убитымы только двѣ лошади. Во все время дѣйствія моей батареи возлѣ меня находился мой братъ Михаилъ, который, какъ колонный начальникъ, выбралъ себѣ мѣсто возлѣ моихъ орудій. Бой продолжался недолго: желтая батарея— надежда и опора турокъ, буквально была уничтожена моею батареею въ 35 минутъ времени: два орудія были подбиты, и много прислуги уничтожено. Батарея умолкла, и турки не рѣшились болѣе ставить на нее орудій. Тогда я сталъ помогать другимъ, и послѣ полутора-часового боя вся турецкая артиллерія была согнана съ поля. Наступило совершенное затишье. Люди отдыхали. Я приказалъ чистить орудія и наскоро пообѣдать, такъ какъ главный бой былъ все еще впереди. Осмотрѣвшись, я съ удивленіемъ увидѣлъ, что у меня въ батареи не было не только ни одного убитаго, но даже и раненаго. Я вмѣстѣ съ братомъ также пошелъ закусить и съ неизъяснимымъ удовольствіемъ напился чаю.

Первый актъ сраженія 11-го іюня, такимъ образомъ, окончился для меня благополучно. Теперь приближался второй—и самый кровавый. Очередь была за пѣхотой, которая должна была подняться на гору Квирике, чтобы окончательно выяснить силы и расположеніе противника.

Въ 9 часовъ утра пѣхота двинулась впередъ двумя колоннами, и баталіоны начали спускаться внизъ въ громадное ущелье, по дну котораго мчался горный потокъ Кинтришъ. Изъ турецкихъ ложементовъ пули посыпались проливнымъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, меткимъ дождемъ. Орудійная канонада со стороны турокъ также усилилась, но пѣ-

хота идетъ съ твердою рѣшимостью; она знаетъ, что идетъ брать неприступныя позиціи, знаетъ что вмѣстѣ съ нею идутъ ея офицеры на вѣрную смерть—точно гладіаторы, вступавшіе въ старое время на не менѣе страшную арену Колизея. Потери наши большія. Раненыхъ не успѣваютъ уносить, а объ убитыхъ нечего было и думать. Тамъ и сямъ баталіоны бросаются на „ура", но миріады винчестерскихъ пуль замедляютъ движеніе.

Съ самаго начала движенія пѣхоты я былъ уже на батареи, понимая, что отъ удачной нашей атаки зависитъ все: и занятіе цихисъ-дзирскихъ высотъ, и самой Цихисъ-дзири, и даже Батума, съ овладѣніемъ котораго мы возвратили бы всю старую Грузію: Аджарію и Кобулеты. Я приказалъ поэтому направить огонь всѣхъ орудій на турецкіе ложементы, чтобы облегчить атаку пѣхотѣ, но именно эти-то ложементы и стали, въ свою очередь, поражать насъ перекрестнымъ огнемъ. Тучи пуль съ пронзительнымъ визгомъ крестили вокругъ насъ воздухъ по всѣмъ направленіямъ. Я зналъ, что въ батареѣ было много молодыхъ солдатъ и, чтобы показать имъ примѣръ полнаго самоотверженія, покинулъ свое уставное мѣсто и, выйдя впередъ, сталъ передъ дуломъ своихъ орудій, шагахъ въ 10-ти противъ одного изъ интерваловъ, такъ что наши снаряды не могли меня задѣвать. Затѣмъ я громко скомандовалъ: „слушать моей команды!" Я сдѣлалъ это и съ тѣмъ, чтобы видѣть всѣхъ нижнихъ чиновъ, и чтобы всѣ они меня видѣли. Примѣръ всегда заразителенъ; люди скоро совершенно успокоились, а тогда и орудія мои стали чувствительно поражать непріятеля. Въ эту минуту, откуда не возьмись, вынеслась вся согнанная утромъ турецкая артиллерія и, занявъ старыя мѣста, съ ужасною яростью

обратила весь огонь на мою батарею. Между тѣмъ лѣвая колонна Гурчина смѣло поднималась на гору, сбивая турокъ съ одной позиціи на другую и беря одинъ ложементъ за другимъ. Я дѣйствовалъ по этимъ ложементамъ и, выгоняя изъ нихъ турокъ, способствовалъ успѣху нашей атаки. Между тѣмъ турецкія орудія засыпали насъ гранатами. Я замѣтилъ нѣкоторое колебаніе въ молодыхъ солдатахъ, но чтобы отвлечь ихъ мысли отъ опасности, я возвысилъ голосъ и самъ сталъ командовать и управлять огнемъ батареи, не показывая виду, что замѣчаю какое-нибудь колебаніе. Не смотря на то, ко мнѣ подошелъ одинъ офицеръ и просилъ позволенія обратить огонь противъ турецкой артиллеріи. Я отвѣчалъ ему коротко: „не развлекаться, а дѣйствовать по ложементу". Черезъ нѣсколько времени подходитъ другой офицеръ съ тою же просьбою. Тогда я скомандовалъ: „Отбой!", и когда выстрѣлы смолкли, обратился ко всей батареи и громко сказалъ: „Братцы! наша обязанность жертвовать собою для достиженія главной цѣли, т. е. способствовать пѣхотѣ занять гору. Поэтому не обращать никакого вниманія на артиллерію". Много значитъ, когда солдатъ уяснитъ себѣ, что и для чего онъ дѣлаетъ. И мои артиллеристы принялись дѣйствовать молодецки. Я продолжалъ стоять впереди, въ самомъ кругу непріятельскихъ осколковъ, а въ нѣсколькихъ шагахъ пролетали мимо мои же гранаты, оглушая меня своимъ свистомъ. Я нарочно закурилъ сигару и видѣлъ, что мое положеніе сильно вліяло на духъ нижнихъ чиновъ батареи. Дѣйствительно стоило посмотрѣть съ какимъ оживленіемъ, и съ какимъ вниманіемъ они исполняли теперь свои обязанности: кто заряжалъ, кто банилъ, кто подносилъ снаряды, кто воду,

чтобы промывать орудія, которыя такъ разгорѣлись отъ частой пальбы, что разогрѣвшійся металлъ обжигалъ щетку на банникѣ и нельзя было дотронуться до орудія. Людямъ пришлось покрывать ихъ своими шинелями и сверху безпрерывно поливать водою. Подъ вліяніемъ сильнаго зноя и внутренняго волненія потъ градомъ лилъ съ каждаго солдата. Этотъ бой, продолжавшійся почти три часа, былъ чистѣйшимъ адомъ. Турецкія батареи видимо хотѣли насъ разстрѣлять, но, благодаря ихъ слабому искусству и нашей выгодной позиціи, ни одинъ снарядъ ихъ не задѣлъ у меня ни одного человѣка. Это было какое-то удивительное, невѣроятное счастіе. Въ 12-мъ часу я увидѣлъ, какъ нѣкоторыя части нашей пѣхоты уже поднялись къ желтой батареи, и чтобы не поражать своихъ я далъ „отбой“ и прекратилъ пальбу. Въ это время къ намъ подошелъ самъ Оклобжіо со всѣмъ своимъ штабомъ и сталъ смотрѣть въ подзорную трубу. Оказалось, чт на гору поднялись только мелкія части и остановились, потому что никто не распорядился поддержать ихъ. Пѣхотѣ пришлось отступить и вернуться на свои позиціи.

Въ 5 часовъ пополудни бой возобновился. Рѣшено было взять нижніе ложементы, защищавшіе доступъ къ желтой батареи. Въ этой атакѣ принялъ участіе и часть полка моего брата. Въ это время я получилъ записку отъ начальника артиллеріи, что онъ отправляется на высоту Хуцубани, и командованіе дѣйствующей артиллеріей на Самебѣ поручаетъ мнѣ. Началось новое обстрѣливаніе ложементовъ, а между тѣмъ пѣхота молодецки бросилась впередъ и послѣ громадныхъ усилій цѣною многихъ жертвъ заняла наконецъ нижнія траншеи. Въ этихъ траншеяхъ она и но-

чевала. Ночью турки нѣсколько разъ атаковывали эти траншеи, но всегда были отбиваемы съ большимъ урономъ. Нужно было видѣть чудную картину ночного боя. На громадной высотѣ мѣстность быстро освѣщается длинною линіею сплошного огня, которая въ одно мгновенье замѣняется другою такою же огненной линіей, и это продолжается безпрерывно.

Воспользовавшись нѣсколькими свободными часами, я легъ отдохнуть, но меня скоро разбудили: пѣхота наша отступала изъ траншеи, и батарея снова должна была приготовиться къ бою. Начинался уже разсвѣтъ, и скоро канонада опять загорѣлась по цѣлой линіи. На этотъ разъ турки дѣйствовали съ гораздо бо̀льшею энергіею, чѣмъ 11-го іюня. Можно было думать, что ободренные нашимъ отступленіемъ, они намѣрены сами атаковать нашу линію. Дѣйствительно, послѣ полудня вся турецкая пѣхота въ громадномъ числѣ двинулась къ нашей позиціи. Теперь главнымъ дѣйствующемъ лицомъ становился мой братъ Михаилъ, командовавшій войсками на Самебо. Увидѣвъ, что съ однимъ своимъ полкомъ защищать трехъ-верстную линію невозможно, онъ сообщилъ объ этомъ генералу Шелеметеву, только что вернувшемуся изъ турецкихъ траншей, и предложилъ ему принять въ свое вѣдѣніе весь правый флангъ линіи, а себѣ оставилъ лѣвый, гдѣ находилась и моя батарея. Завязалось дѣло серьезное. Всѣ атаки турокъ, однако же, были отбиты моимъ братомъ, но на этотъ разъ и въ моей батареи одинъ бомбардиръ былъ убитъ и двое ранены. Очевидно турки пристрѣлялись, да и мои люди, свыкшіеся съ опасностью, стали пренебрегать мѣрами осторожности. Такъ окончился этотъ двухъ-дневный кровопролитный бой, стоившій намъ

29 офицеровъ и около 1.000 нижнихъ чиновъ, выбывшими изъ строя. 17-го іюня вечеромъ мы совсѣмъ очистили Самебо и отступили къ Муха-Эстатѣ. Непріятель тотчасъ занялъ наши старыя позиціи".

За отличіе въ сраженіяхъ 11-го и 12-го іюня Бучкіевъ награжденъ былъ орденомъ св. Владиміра 3-й ст. съ мечами. Но этимъ и закончилось его участіе въ турецкой войнѣ, такъ какъ на пограничной чертѣ выдающихся дѣлъ болѣе не происходило.

Вернувшись изъ турецкаго похода, Бучкіевъ прокомандовалъ 10 лѣтъ батареей, а въ 1887 году произведенъ былъ въ генералъ-маіоры съ назначеніемъ командиромъ 24-й артиллерійской бригады и съ зачисленіемъ въ списки 1-й батареи 38-й бригады, которая, подъ его командой, получила за турецкую войну знаки на шапки съ надписью „За отличіе".

Отличный артиллерійскій офицеръ, проведшій въ строю всю свою службу, изъ которой 30 лѣтъ протекли въ безпрерывныхъ боевыхъ походахъ,—Бучкіевъ и въ мирное время постоянно обращалъ на себя вниманіе начальства. 24-я бригада, которою онъ командовалъ, была расположена въ Финляндіи, и ему не разъ приходилось то завѣдывать окружнымъ артиллерійскимъ управленіемъ, то исполнять должность начальника артиллеріи Финляндскаго военнаго округа.

Помимо своихъ прямыхъ занятій на него, какъ на болѣе опытнаго и усерднаго генерала, возлагался цѣлый рядъ порученій, выходившихъ уже изъ круга его служебныхъ обязанностей: то онъ предсѣдательствовалъ въ комитетѣ по пріему молодыхъ лошадей въ артиллерію, то ревизовалъ инженерныя работы въ Финляндскомъ округѣ, то завѣдывалъ

постройками казармъ, и пр. и пр. За время командованія бригадой Бучкіевъ былъ награжденъ знакомъ отличія безпорочной службы за 40 лѣтъ и орденомъ св. Станислава 1-й степени.

Осенью 1892 года бригада его должна была перейти изъ Финляндскаго въ Петербургскій военный округъ, и памятникомъ ея отличной службы въ Финляндіи остался приказъ генералъ-адъютанта графа Гейдена, отданный имъ по войскамъ округа 10-го октября 1892 года:

„24-я пѣхотная дивизія и 24-я артиллерійская бригада, принадлежавшія къ составу войскъ ввѣреннаго мнѣ округа, какъ въ строевомъ, такъ и въ хозяйственномъ отношеніяхъ всегда представлялись мнѣ въ самомъ лучшемъ порядкѣ, и неоднократно имѣли счастіе удостаиваться Высочайшаго Государя Императора благоволенія.

Особенно цѣню тотъ примѣрный порядокъ, который все время соблюдался во внутренней службѣ частей, а также строгую и разумную дисциплину, проявлявшуюся во всѣхъ внутреннихъ и наружныхъ отправленіяхъ ихъ служебной дѣятельности.

Разставаясь нынѣ съ названными частями и глубоко сожалѣя о ихъ уходѣ, я утѣшаюсь надеждой, что они въ Петербургскомъ округѣ покажутъ себя такими же молодцами, какими я ими привыкъ любоваться, а за службу въ Финляндскомъ округѣ объявляю имъ мою сердечную признательность. Особенно благодарю за постоянное усердіе и ревность къ службѣ начальника 24-й пѣхотной дивизіи генералъ-лейтенанта Маклакова и командира 24-й артиллерійской бригады генералъ-маіора Бучкіева. Приношу особенную мою признательность гг. полковымъ, баталіоннымъ и

батарейнымъ командирамъ, а также всѣмъ гг. офицерамъ и врачамъ. Нижнимъ же чинамъ объявляю мое спасибо за ревность къ службѣ и постоянно-примѣрное и отличное поведеніе".

Въ то же время графъ Гейденъ писалъ товарищу генералъ-фельдцейхмейстера генералу Софьяно слѣдующее: „24-я артиллерійская бригада изъ ввѣреннаго мнѣ округа переходитъ въ С.-Петербургскій, въ составъ 18-го армейскаго корпуса. Въ теченіе всего времени пребыванія ея въ Финляндіи, я всегда любовался, какъ поведеніемъ господъ офицеровъ и людей, такъ и примѣрнымъ порядкомъ, которымъ она отличалась во всѣхъ отношеніяхъ. Всецѣло приписываю это усердіе къ службѣ, опытности и знанію дѣла командира ея генералъ-маіора Бучкіева, который еще во время послѣдняго лагернаго сбора у ст. Перкіярви представилъ мнѣ свою часть въ самомъ блестящемъ порядкѣ, какъ во внутреннемъ, такъ и въ строевомъ отношеніяхъ. Считая пріятнымъ долгомъ сообщить о семъ вашему высокопревосходительству, прошу покорнѣйше довести объ этомъ до свѣдѣнія Его Императорскаго Высочества генералъ-фельдцейхмейстера".

Недолго, однако же, продолжалась служба Александра Борисовича Бучкіева въ Петербургскомъ округѣ. Постоянные труды, заботы и лишенія, сопряженные съ его 49-тилѣтнею службою, разстроили въ конецъ его здоровье, и онъ долженъ былъ покинуть пламенно-любимую имъ артиллерійскую службу. Высочайшимъ приказомъ 24-го мая 1893 года онъ былъ произведенъ за отличіе по службѣ въ генералъ-лейтенанты и вмѣстѣ съ тѣмъ уволенъ отъ службы, согласно прошенію, съ мундиромъ и полною пенсіею.

Такимъ образомъ, отъ кипучей служебной дѣятельности Александръ Борисовичъ перешелъ къ тихому семейному очагу, чтобы и здѣсь передать своимъ дѣтямъ тѣ же высокія чувства долга и чести, ту же пламенную любовь къ царямъ и отечеству, и тѣ же священныя обязанности по отношенію къ нимъ, какими былъ преисполненъ самъ во время своего долговременнаго и доблестнаго служенія.

В. Потто.

Библ...
Института Крас...
№

Учрежде

а) попеченіе

родовольствен

